

РОССИЯ И ВОСТОК

ГЕОПОЛИТИКА ИЛИ ЭКОНОМИКА? СООТНОШЕНИЕ ЦЕЛЕЙ
АНГЛО-РУССКОЙ ЭКСПАНСИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIX в.

© 2017

К. А. ФУРСОВ

Институт стран Азии и Африки МГУ

В статье анализируется проблема приоритетов в расширении Российской и Британской империй в стратегически важном регионе. Рассмотрены геополитические и экономические цели экспансии каждой империи. Сделан вывод не только об относительном приоритете геополитики при некоторой недооценке в историографии экономического фактора, но и о тесном переплетении названных целей и о нередком использовании геополитики как рычага для достижения экономических целей и наоборот.

Ключевые слова: геополитика, геополитический луч, экономика, торговля, Российская империя, Британская империя, экспансия, Центральная Азия, Индия.

GEOPOLITICS OR ECONOMY? THE CORRELATION OF THE GOALS OF
ANGLO-RUSSIAN EXPANSION IN CENTRAL ASIA
IN THE NINETEENTH CENTURY

Kirill A. FURSOV

Institute of Asian and African Studies,
Moscow State University

The article analyses the problem of the priorities in the expansion of the Russian and British Empires in the strategically important region of Central Asia. Geopolitical and economic goals of expansion of these empires are examined. The author concludes that geopolitics had relative priority whereas the economic factor has been underestimated in the historiography. These goals were intertwined. Geopolitics was frequently used as a lever to achieve economic goals and vice versa.

Keywords: geopolitics, geopolitical ray, economy, trade, Russian Empire, British Empire, expansion, Central Asia, India.

ФУРСОВ Кирилл Андреевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. kfursov@iaas.msu.ru.

Kirill A. FURSOV – PhD (in History), Senior Research Fellow, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; kfursov@iaas.msu.ru.

При складывании любой империи действуют различные факторы. Особо выделяются среди них геополитика и экономика. Случай Центральной Азии¹ в имперских интересах России и Британии в XIX в. – не исключение. Задача настоящей статьи – попытаться выяснить, в какой степени экспансия двух держав преследовала геополитические цели, а в какой – экономические.

Проблематика истории Российской и Британской империй в Центральной Азии в настоящее время приобретает такую актуальность, какой не имела по меньшей мере с 1930-х гг., когда звучали финальные аккорды Большой игры (*Great Game*) – англо-русского противостояния в регионе. Причина состоит в непрерывном повышении его роли в глобальной борьбе за влияние и ресурсы в рамках процесса, который с 1990-х гг. именуют Большой игрой-2.

Историография проблемы приоритетов имперской экспансии в Центральной Азии довольно внушительна. Если говорить о России, то в дореволюционный период одни авторы считали главными целями ее экспансии необходимость оборонять границы и противостоять Британии [Макшеев, 1890; Терентьев, 1906], другие – поиски новых рынков сбыта и источников сырья [Григорьев, 1865], третьи делали упор на цивилизаторской миссии [Костенко, 1880; Снесарев, 1906]. В советской историографии мнения тоже резко поделились. Экономическую линию (уже с марксистских позиций) продолжили Н.А. Халфин и А.Я. Соколов [Халфин, 1965; Халфин, 1972; Соколов, 1971], внешнеполитическую и военно-стратегическую – М.К. Рожкова, Н.С. Киняпина и др. [Аминов, Бабаходжаев, 1966; Киняпина и др., 1984; Рожкова, 1963; Хидоятов, 1969]. Российские историки Е.А. Глушенко и С.Н. Брежнева и британский специалист П. Хопкирк делают акцент на комплексе целей/причин [Брежнева, 2002; Глушенко, 2010; Hopkirk, 1990]; при этом С.Н. Брежнева называет “первоначальными побудительными мотивами” необходимость подчинять степняков, чтобы обезопасить границы [Брежнева, 2002, с. 24]². По мнению Е.Ю. Сергеева, “геостратегические амбиции в сочетании с культурно-цивилизаторскими устремлениями преобладали над экономическими интересами России и Великобритании” [Сергеев, 2012, с. 37]. На приоритете геополитических мотивов настаивает и русский историк В.В. Дубовицкий (г. Душанбе) [Дубовицкий, 2010]. Американские русисты тоже считали влияние экономических соображений на среднеазиатскую политику России минимальным [Becker, 1968, р. 23; Pierce, 1960, р. 17–18]. В историографии Британской империи преобладал и преобладает тезис о приоритете геополитических целей ее действий в регионе [Британская империя..., 2010; Махаджан, Сетхи, 1960; *The Cambridge History of India, 1929–1932*; Darwin, 2009; James, 1997; Niasson, 2004]. Противоположной точки зрения (главное – экономика) придерживаются узбекский историк Г.А. Ахмеджанов и российский англовед Т.Н. Гелла [Ахмеджанов, 1971, с. 123; Гелла, 1995, с. 118].

Тезис о приоритете геополитики представляется верным в случае обеих империй: они стремились укрепить свои военно-стратегические и политические позиции в регионе, в том числе минимизировать, а по возможности исключить влияние противоположной стороны.

¹ Под Центральной Азией в настоящей статье понимается все пространство от Южной Сибири до Гималаев и от Каспийского моря до Восточного Тибета (наиболее широкое определение этого термина, принятого ЮНЕСКО), но в первую очередь – территория пяти постсоветских республик региона и Афганистан. Кроме того, в статье употребляются топонимы Средняя Азия и Туркестан. Так в Российской империи обозначали территорию южнее современного Казахстана и севернее Афганистана, которая до конца 1860-х гг. была поделена между Бухарским эмиратом и Кокандским и Хивинским ханствами, а затем между ними (урезанном виде) и Туркестанским генерал-губернаторством.

² Схожее мнение высказано в недавней американской работе: “Для империи без естественных границ стеной делалось само пространство” [Meyer, Braysac, 2006, р. 121].

Экспансия России в Центральной Азии диктовалась геополитическими соображениями еще в XVIII в. Истоки этого процесса лежат в поэтапном принятии в подданство казахских жузов, которое началось при Анне Иоанновне (1731). Правящие круги России исходили из необходимости обезопасить уязвимые степные рубежи империи, которые метко называют ее “мягким подбрюшьем”. Одну опасность империя видела в самих казахах, которых ей было спокойнее иметь в качестве подданных, чем тревожных соседей: иные племена подчас совершали набеги на границы, уводя пленных крестьян и солдат на невольничьи рынки Средней Азии. Другую опасность представляли более сильные политики Востока – сначала Джунгарское ханство, затем Цинская империя. Правда, в XVII в. территория современного Казахстана (Степь) по политическим, экономическим, демографическим параметрам была далека от основной территории России, поэтому активной стороной в сближении империи и жузов были скорее последние. Главной причиной перехода казахов под эгиду северного соседа было давление джунгар. Протислась в российское подданство и часть туркменских племен, откочевавшая на полуостров Мангышлак, когда в 1740 г. иранский Надир-шах взял Бухару и Хиву [Русско-туркменские отношения..., 1963, с. 59–62]. В то время им отказали, так как “завести в тамошнем месте крепость для содержания трухменцев в настоящем подданстве” сочли накладным [там же, с. 95]. Однако даже суверенитет империи над казахами и киргизами до 1860-х гг. оставался скорее номинальным.

В XIX в., с освоением Оренбуржья и территорий восточнее, потребность России консолидировать границу в Центральной Азии сделалась актуальнее. Для оседлого общества решить проблему степного пограничья всегда чрезвычайно трудно, несмотря на строившиеся Россией оборонительные линии. Сама география – плавное перетекание европейской территории в азиатскую – объективно мешала империи удовлетвориться достигнутым и “толкала” ее геополитический луч далее по обширному пространству Дешт-и-Кыпчака, а за ним Туркестана. В связи с этим центральноазиатскую границу Российской империи до 1880-х гг. можно назвать скользящей.

К столкновению с ханствами Туркестана Россию во многом привело стремление покончить с их притязаниями на верховную власть над кочевниками. Ханства давали убежище не поладившим с российскими властями казахам и поощряли набеги ряда их племен на границы России. Переписка имперских администраторов и военных пестрит донесениями, что хивинцы “пытаются восстановить против нас кайсаков” (казахов) [Серебренников, 1914–1915, с. 31]; см. также: [Казахско-русские отношения..., 1964, с. 276]. Неудивительно, что в инструкции посланного в 1841 г. в Хиву капитана П.А. Никифорова входило добиваться, чтобы хан отвечал за все грабежи пограничных племен и “по нашему требованию выдавал скрывающихся у них беглецов и мятежников” [Жуковский, 1915, с. 124]. С геополитической точки зрения ханства смотрели на казахские кочевья как на буфер между собой и северным соседом, поэтому в их интересах было оторвать их от России. Донесения ее чиновников 1870 г. полны сведений о подстрекательстве хивинским ханом также туркменских племен [Присоединение Туркмении..., 1960, с. 49, 55, 62]. Отсутствие безопасности на караванных путях наносило колоссальные материальные убытки стране [Киняпина и др., 1984, с. 226].

Вот почему нельзя трактовать как лишь дипломатическую уловку известный меморандум министра иностранных дел князя А.М. Горчакова от 21 ноября 1864 г. Этот документ был разослан в европейские столицы после взятия генерал-майором М.Г. Черняевым городов Кокандского ханства Аулие-Ата и Чимкент. В циркуляре был изложен не столько предлог для экспансии России, сколько одна из ее причин.

“Положение России в Средней Азии, — писал князь, — одинаково с положением всех образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации... интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными. Оно начинает прежде всего с обуздания набегов и грабительств. Дабы положить им предел, оно бывает вынуждено привести пограничные народы к более или менее прямому подчинению. По достижении этого результата эти последние приобретают более спокойные привычки, но, в свою очередь, они подвергаются нападениям более отдаленных племен... Таким образом, государство должно решиться на что-нибудь одно: или отказаться от этой непрерывной работы и обречь свои границы на постоянные неурядицы... или же все более и более подвигаться в глубь диких стран... Такова была участь всех государств, поставленных в те же условия” (русский перевод исходного французского текста цит. по: [Мартенс, 1880, с. 22–23]).

Отводя возможную критику, А.М. Горчаков провел параллель с экспансиею европейских колониальных держав и США. Во многом так же расширяла владения в Индии Ост-Индская компания: они были уязвимы для нападений тех княжеств-соседей, которые соперничали с ней за преобладание, а также банд грабителей (см.: [Фурсов, 2006, с. 184–266]).

Западные историки и даже Н.А. Халфин [Халфин, 1960, с. 179] считают циркуляр А.М. Горчакова посланием с целью усыпить бдительность европейских держав, пока Россия готовилась в Азии к новому geopolитическому “прыжку”. Объективно такую роль циркуляр сыграл, но, всегда чрезмерно опасаясь Британии [Венюков, 1878, с. 145; Широкорад, 2003, гл. 1–2, 5–10, 16–17], последний канцлер империи на деле пытался добиться прекращения активного курса в Туркестане. Об этом свидетельствует, например, его совместная с военным министром Д.А. Миллютиным записка Александру II от 20 ноября 1864 г. [Казахско-руssкие отношения..., 1964, с. 521].

Цель любой империи — установить свой *Pax* (“мир”), полный контроль над максимально доступной территорией. При наличии огромных степных и пустынных пространств в сердце Азии строительство *Pax Russica* в этой зоне было объективно возможно только при включении ее в империю **целиком**. Как выразился в военно-статистическом описании Хорасана 1879 г. полковник Н.Г. Петрусович, “принятие в подданство киргизов (казахов. — К.Ф.) повлекло за собой все остальное движение” [Присоединение Туркмении..., 1960, с. 364]. Мнение о невозможности стабилизировать границу без окончательного принятия в подданство кочевых народов и устранения угрозы со стороны туркестанских ханств, недовольных, что Россия перетягивает лояльность этих народов на себя, сквозит во многих документах империи (записка генерал-лейтенанта М.Г. Черняева министру иностранных дел 1882 г. [Присоединение Туркмении..., 1960, с. 317], переписка генерал-губернатора Туркестана К.П. фон Кауфмана с Миллютиным [Great Power Rivalry..., 2006, р. 170, 182] и др.).

Следует подчеркнуть, что geopolитическая цель консолидации имперских границ России в условиях подчас непростых отношений с азиатскими обществами и политиями имела для нее самостоятельную ценность безотносительно развернувшейся с 1830-х гг. Большой игры с Британией. Вместе с тем стремление выиграть в этой игре стало еще одной geopolитической целью России в ее экспансии на Восток. Первоначальным импульсом англо-русского противостояния послужили опасения британцев за свой Радж³, родившиеся в первые годы XIX в., когда воз-

³ “Правление”, “власть”; этим словом из языка хиндустаны сами британцы часто называли свое правление в Индии (*the Raj*).

никла угроза объединения против Британии двух сухопутных держав – Франции и России. Союз сильнейшей державы континентальной Западной Европы с евразийской державой Россией всегда был худшим геополитическим сценарием для британцев. Однако корни англо-русского перманентного конфликта XIX в. лежали в самом факте появления в XVIII в. мощной державы, “прорубившей окно в Европу”. Так стали враждовать два государства, которые немецкий историк Л. Дехийо назвал фланговыми державами Европы [Dehio, 1962, р. 8]. Превращение Ост-Индской компании в территориальную державу в Индии к концу XVIII в. наметило перспективу столкновения двух империй в Центральной Азии, выводя противостояние на новый уровень.

Архетип всему полуторавековому противостоянию по поводу Индии задал поход казачьего атамана В.П. Орлова 1801 г. Этот поход был инициирован царем Павлом I (из-за вероломства Британии в вопросе Мальты) в союзе с первым консулом Франции Н. Бонапартом, но был прерван сразу после убийства российского императора. Парадоксальным образом Россия попыталась захватить Индию тогда, когда еще отстояла от нее на 2.5 тыс. км, а когда во второй половине XIX в. подобралась к ней почти вплотную и географически находилась в намного более выгодном положении для этого, попыток, напротив, не предпринимала (несмотря на ряд проектов). Павел плохо представлял себе трудности похода, а стратеги империи конца столетия сознавали их масштаб даже после ее драматичного расширения в 1860–1880-е гг.

Прецедент сухопутного похода на Индию не давал британцам покоя почти до самого их ухода оттуда в 1947 г. В результате экспедиции Орлова и кратковременного франко-русского тильзитского сближения 1807 г. в духе К. Хаусхофера⁴ они уже никогда не считали безопасность своих владений в Индии абсолютной. Ост-Индская компания развернула дипломатическую и разведывательную деятельность на западных и северных рубежах субконтинента, пытаясь создать из со-пределльных политий буферы от возможного нападения.

Попытки Британии сдерживать Россию вызвали ее ответную реакцию. Отчасти британцы перестарались и спровоцировали русских на экспансию, которую стремились блокировать. Многие военно-политические шаги в Центральной Азии Россия предприняла в ответ на британские. Так, (неудачный) поход военного губернатора Оренбурга графа В.А. Перовского на Хивинское ханство 1839–1840 гг. был прямым ответом на вторжение корпуса Ост-Индской компании в Афганистан в 1839 г. (первая англо-афганская война 1839–1842 гг.) [Серебренников, 1914–1915, с. 33]. Экспедиции генералов Н.П. Ломакина и М.Д. Скобелева против туркменской крепости Геок-Тепе 1879–1881 гг. и мирное присоединение Мерва в 1884 г. были реакцией России на новое вторжение британцев в Афганистан (вторая англо-афганская война 1878–1880 гг.). Это в записке начальнику штаба Кавказского военного округа от 21 декабря 1879 г. четко выразил начальник штаба 21-й пехотной дивизии полковник Пожаров: “Прочное занятие нами Ахал-Теке и Мерва будет иметь почти первенствующее значение в борьбе нашей с Англией” [Присоединение Туркмении..., 1960, с. 463].

При этом правящие круги России демонстрировали готовность поступиться экономикой ради геополитики. В записке Александру III от 29 октября 1882 г. главноначальствующий на Кавказе генерал А.М. Дондуков-Корсаков выразил убеждение, что Ахал-Текинский оазис “не может обещать серьезных материальных выгод. Но обладание им представляет... важное для России значение в политическом отношении... болезненный страх Англии за свою Ост-Индскую колонию... будет служить лучшим залогом уступчивости

⁴ Карл Хаусхофер (1869–1946) – немецкий геополитик, автор доктрины Континентального блока Берлин–Москва–Токио; отчасти под его идеяным влиянием был заключен договор Германии и СССР 1939 г.

ее в существенных вопросах нашей политики. Уже ради одной этой цели следует... мириться с теми пожертвованиями, которые будет требовать от государства обладание Закаспийским краем” [там же, с. 656].

Большая игра нарастала как снежный ком, и каждый следующий шаг почти автоматически вел к ответному шагу противоположной стороны. При этом Россия исходила не только из того, что каждый шаг британцев требует нейтрализации, но и из того, что их трудностями вообще надо пользоваться; так, увязнув в Афганистане, британцы не могли помешать новому ходу России на “великой шахматной доске” Центральной Азии.

К экспансии в Туркестане Петербург побуждали разведданные о проникновении эмиссаров, которых отправляла Калькутта с заданием сплотить ханства и племена для противодействия ему (хотя отчасти данные оказывались слухами). Например, в записке Александру II о взаимоотношениях России и ханств 1862 г. подполковник Казаков указал на сведения о военных инструкторах в Коканде и Бухаре. “Англичане зорко следят за тем, чтобы мы не захватили непочатые богатства Средней Азии; их радует и обнадеживает наша медлительность” [Присоединение Казахстана..., 2008, с. 257]. Опасение, что Британия наложит руку на регион, который Россия считала потенциально своей территорией, заставляло Россию двигаться вперед. Как писал автор “Записки о значении Бухарского ханства для России”, которая сильно повлияла на имперскую политику в Туркестане, подполковник Главного штаба А.И. Глуховской: “России необходимо предупредить англичан в Бухаре. Кто прежде утвердится на берегах Аму-Дарьи, тот склонит решение всего восточного вопроса в свою пользу” [Глуховской, 1867, с. 28].

Один из мотивов России в борьбе с Британией можно назвать оборонительным: она старалась отстоять уже занятые в регионе позиции. Так, верно расценив открытие Суэцкого канала как резкое укрепление geopolитических позиций Британии на Востоке (что бы ни думали тогда в самой Британии, ведь канал был построен французским капиталом), Черняев в меморандуме наместнику Кавказа в марте 1869 г. высказался за экспансию на восточном побережье Каспия: иначе британцам для переброски подкреплений из метрополии в Индию потребуется всего 2 месяца, а русским из Казани в Ташкент (ввиду трудностей сухопутного сообщения) – целых 8 [Great Power Rivalry..., 2006, р. 250]. В том же году полковник Н.Г. Столетов основал Красноводск, ставший исходной базой продвижения в Закаспийском регионе. Генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман накануне второй англо-афганской войны опасался, что, если на готовящееся вторжение британцев в Афганистан не отреагировать, это пагубно отразится на престиже России в Азии, ставя под угрозу ее власть даже в собственном Туркестане. В донесении Миллютину от 23 октября 1878 г. он писал: “Если результатом всего, что теперь совершается здесь, будет подчинение Афганистана влиянию Англии, то мы потеряем то обаяние, которое мы приобрели в Средней Азии, потеряем безграничную веру в нас народов и правительства, нас здесь окружающих” [“Большая игра”..., 2005, с. 176–177]. Главную цель продвижения России в Туркмении сформулировал в докладной записке наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу от 7 февраля 1879 г. его помощник князь Д.И. Святополк-Мирский:

“Утверждение англичан в Афганистане без соответствующего движения вперед с нашей стороны грозило подрывом значения нашего в Средней Азии, поэтому... высочайше повелено было сформировать отряд, достаточный для подчинения нашей власти Ахал-Текинского оазиса... Утвердившись так или иначе в Герате, англичане вслед затем займут и Афганский Туркестан...”

и тогда нам нелегко будет удержать значение наше даже в Бухаре и Хиве” [Присоединение Туркмении..., 1960, с. 466]⁵.

Так в Туркмении проявился оборонительный в отношении Британии характер российской экспансии. Русские власти постоянно получали сведения об активности среди местных племен британских агентов [Присоединение Туркмении..., 1960, с. 240, 297, 300; Русско-туркменские отношения..., 1963, с. 435–439]. Те снабжали туркмен-текинцев ружьями [Моисеев, 2008, с. 127; Присоединение Туркмении..., 1960, с. 226–227] и поощряли их продолжать набеги на караваны. В той же записке Д.И. Святополк-Мирский отметил: “Текинцы... думают, что русские к ним не придут потому, что англичане им этого не позволят” [Присоединение Туркмении..., 1960, с. 392]. Одно это становилось для России стимулом “к ним прийти”: проблема имперского престижа, стремление не показаться слабой, иначе может “откликнуться” население уже по эту сторону границы. Неудивительно, что начальник Закаспийского военного отдела, крайним восточным пунктом которого тогда был Кизыл-Арват, просил разрешения двигать границу дальше на восток [там же, с. 324, 360–361].

Налицо соединение двух геополитических факторов экспансии: необходимости в условиях открытой местности с враждебными соседями-кочевниками консолидировать границу и необходимости покончить здесь с британской угрозой в виде помощи этим кочевникам. Хотя до казахов Британия не дотягивалась, туркмены были для нее удобным союзником. Геополитический соперник России по возможности пользовался ее трудностями и вступал во взаимодействие с ее локальными соперниками. Так, в Мерве в 1881 г. ирландцу Э. О’Доновану, который приехал как корреспондент газеты “London Daily News”, удалось содействовать приходу к власти антироссийской группы знати, лидер которой Баба-хан даже объявил о переходе оазиса под власть “британского падишаха” [Хидоятов, 1969, с. 393–394]. Правда, через три года демонстрационный эффект установления порядка и развития торговли в покоренном Скобелевым Ахал-Текинском оазисе привел к добровольному вхождению Мерва в состав России.

Второй мотив России в Большой игре был наступательным: она стремилась улучшить сделочную позицию в отношении Британии, чтобы этого не осуществил противник. Во время Крымской войны – единственной горячей, в которую перепросла англо-русская “холодная война” XIX в., – в России поняли, что продвижением в сторону Индии можно накинуть на Британию геополитическую узду. Уже тогда правительству подали несколько проектов похода на Индию (А.О. Дюгамель, С.А. Хрулев и др.). Если Крымская война показала, что Россия для Британии уязвима (блокада Финского залива, осада Севастополя), Индия как сухопутная империя в рамках Британской морской державы была ахиллесовой пятой самой Британии; угрожая ей, Россия действовала в собственной геополитической стихии сухопутной державы. Приближение границ к Индии “назло надменному соседу” становилось для России рычагом давления на основного геополитического противника. Нашупав его слабое место, видя, как болезненно тот реагирует на любое продвижение, Россия стала играть у него на нервах. Это позволяло сделать Британию говорчивее не только в Центральной Азии, но и в Европе. Как справедливо

⁵ Тек же соображения, но не связанные с Большой игрой, двигали Россией, когда она в 1871 г. временно ввела войска в Илийский край, где незадолго до этого пала власть Цинской империи и образовался Кульджинский султанат. Целью было прекратить нападения таранчей (илийских уйгур) на пограничные отряды русского Семиречья: это не столько досаждало империи само по себе, сколько снижало ее престиж в глазах коренного населения. По словам начальника Главного штаба графа Ф.Л. Гейдена, военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский был вынужден двинуть войска “для наказания такого дерзкого поступка и успокоения пограничного нашего населения, начавшего уже волноваться при виде нашего явленного желания избежать вооруженных столкновений с таранчами” [Моисеев, 2008, с. 46].

отметил полковник М.А. Терентьев: “Возможно ли было бы, не занимая хороших позиций в Азии, разорвать Парижский трактат (невыгодный России договор 1856 г., завершивший Крымскую войну. – К.Ф.)? Едва ли” [Терентьев, 1875, с. 325]. Одним из непосредственных стимулов для России наступать в Среднюю Азию послужила поддержка Британией восстания в Польше 1863–1864 гг.: Туркестан стал асимметричным ответом (наряду с отправкой двух русских эскадр в США).

Наиболее ощутимо Россия привела в действие своей “индийский рычаг” во время и сразу после войны с Османами 1877–1878 гг. Кауфман собрал в Туркестане 30-тысячную армию для демонстрации и отправил Столетова (уже генерал-майора) с миссией к афганскому эмиру Шер Али-хану в Кабул. Как показывают записи генералов В.А. Франкини и А.К. Гейнса и другие источники, миссия носила исключительно военно-стратегический характер [“Большая игра”..., 2005, с. 46, 75–76, 91]. В записке от 22 января 1880 г., составленной по указанию наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича для военного министра Д.А. Милютина, говорилось: “Политические события, последовавшие по заключении Сан-Стеванского договора, заставили нас обратить особое внимание на Среднюю Азию и приготовить там в будущем такой базис, который давал бы возможность оказывать на Афганистан и Индию давление достаточно сильное, чтобы хотя отчасти парализовать действия Англии в Европе” [Присоединение Туркмении..., 1960, с. 465]. И наоборот, Милютин не сомневался, что “успех англичан на границах Индии сделает их еще более назойливыми в Европе” (письмо Кауфману от 6 декабря 1878 г.) [“Большая игра”..., 2005, с. 217].

В этом отдавали себе отчет и британцы, в частности известный журналист, автор книг о продвижении России в Азии Ч. Марвин: “Чем осуществимее кажется российскому правительству атака на наше правление в Индии, тем менее оно будет расположено считаться с нами в дипломатических делах в Европе и воздерживаться от агрессивных действий в Азии” [Marvin, s.d., p. 134]⁶. Обе стороны считали друг друга агрессорами, что в атмосфере geopolитического недоверия неизбежно. По сути, проблему нельзя было решить даже с помощью договора, поэтому инициировавший такой договор вице-король Индии (1864–1869) сэр Джон Лоуренс опередил свое время на полвека [Синх, 1959, с. 642–643]. Лишь в 1907 г. две державы заключили тайное соглашение по Ирану, Афганистану и Тибету, приглушив разногласия перед лицом общего geopolитического противника – Германской империи.

У России при этом имелся крупный козырь – хрупкость, поверхность британской власти в Индии. Восстание 1857–1859 гг., ударную силу которого составили *cipayi* (туземные солдаты англо-индийской армии), показало, как в Индии тяготятся британцами. Появление неподалеку войск сильной державы давало недовольной части индийцев надежду. Их настроения красноречиво выразил Терентьев, назвав британскую власть в Индии паразитом: “Нарост этот может быть удален только хирургической операцией. Индусы пробовали в 1857 г. произвести эту операцию сами, но оказались недостаточно искусными. Теперь они ждут хирурга с севера” [Терентьев, 1875, с. 273–274].

Британцы действительно страшились не столько российского вторжения самого по себе, сколько того перенапряжения сил, которое оно у них вызовет, если одновременно поднимется недовольное население Индии. В 1883 г. опасения русско-индийской двуединой угрозы озвучил в курсе лекций “Расширение Англии”

⁶ Апогея британский алармизм достиг, пожалуй, в книге начальника армейской разведки Индии генерал-майора Ч. Макгрегора [Macgregor, 1884]. Автор подробно разобрал военный потенциал России, сделал вывод, что вторжение ей по силам, и дал рекомендации по комплексному военно-политическому противодействию и экономическому удушению России. Книга была настолько русофобски агрессивной, что британскому правительству пришлось объявить изложенный в ней план действий не своей официальной позицией, а личным мнением автора.

(который называют “евангелием британского колониализма”) идеолог империи сэр Джон Сили: “Что, если мятеж и русское вторжение произойдут вместе?” [Seeley, 1883, p. 291]. Опасения были не беспочвенны, так как с конца 1860-х гг. в Ташкент – административный центр Туркестанского края – зачастили посланцы ряда индийских князей с предложением помочь в случае вторжения в Индию. Так, махараджа Индаура обещал: “Когда начнутся у вас с англичанами военные действия, я им буду сильно вредить” (цит. по: [Широкорад, 2003, с. 160]).

Русские стратеги понимали, в чем уязвимость Британской империи, и старались бить в эту точку. Еще в 1854 г. барон Н.Е. Торнау в записке правительству указал на “возможность противоборства Англии движением войск наших в Индию, не покорение страны этой, но одно потрясение английского владычества в оной достаточно, чтобы нанести вред политическому и материальному могуществу Англии” [“Большая игра”..., 2005, с. 57]. В записке товарищу министра иностранных дел от 28 марта 1878 г. коллежский советник П.И. Пашино рекомендовал: “Во время войны должна быть устроена диверсия в эту сторону или, по крайней мере, газеты должны прокричать об этой диверсии, хотя ее на самом деле не будет... появясь от русского правительства прокламация в Индии, возбуждение в народе будет до того сильно, что легко может вспыхнуть даже восстание” [там же, с. 53].

Ситуация британцев была по-своему geopolitically кошмарной: Индия была ценна для них намного больше, чем Туркестан для России, но и возможностей пошатнуть их власть там у России было намного больше, чем у них – пошатнуть ее власть в Туркестане. Если бы каждая держава потеряла свою зависимую территорию, Британия пострадала бы в разы больнее (о чем и писал М.Д. Скобелев в своем проекте похода на Индию – см.: [Широкорад, 2003, с. 490, 492]). “Подвесив” Британию в Азии, Россия могла, рискуя гораздо меньшим, постоянно угрожать ей. Как выразился русский путешественник и военный географ М.И. Венюков: “Стремление завладеть Индией было бы с нашей стороны политической неразумностью. Но иметь ключи от нее в своих руках для нас составляет историческую необходимость и положительную пользу” [Венюков, 1877, с. 482].

К слову, понимали уязвимое место Раджа и индийцы. В немалой степени история их антибританского движения от правителя Майсура Хайдара Али в XVIII в. до националиста-бенгальца Субхаса Чандры Боса в годы Второй мировой войны – история попыток найти вне страны державу, сопоставимую по силе с Британией, в союзе с которой можно было бы сбросить британское ярмо. В XVIII в. надежды возлагали на Францию, в XX в. – на Германию (дважды), Советскую Россию/СССР и Японию, ну а в XIX в. такой державой выступала Российская империя.

Первостепенная цель британской экспансии в Центральной Азии также была geopolitically. Как сказано выше, британцы болезненно реагировали на малейшее продвижение российских войск и тем более границ на юг, потому что коучной мишенью видели Индию – ядро Второй Британской империи⁷. Ценность страны для метрополии на протяжении XIX в. лишь росла. Военно-стратегическое значение Индии состояло в ее огромной армии, материальных ресурсах и ключевом положении на карте мира. К концу столетия численность англо-индийской армии достигла 73.5 тыс. британских и 154 тыс. индийских солдат и офицеров [Haig, 1932, p. 397]. Британцы пускали ее в ход как в самой Индии, так и далеко за ее пределами в зоне с диаметром от Китая до Кипра. Огромной была и демографическая ценность Индии: в начале XX в. ее население насчитывало 300 млн человек, т.е. почти пятая часть человечества [Speeches on India..., 1904, p. 4–5]. В период активной

⁷ В историографии Британской империи принятая периодизация на Первую и Вторую империи, хроноразделом между которыми выступает 1783 год – год признания Лондоном независимости тринадцати колоний в Северной Америке.

торговли Ост-Индской компании в Британию перекачивалась часть индийских налогов: компания собирала их в ипостаси правителя страны, а затем тратила на покупку азиатских же товаров в ипостаси торговой корпорации.

Для своей промышленной метрополии Индия служила крупным рынком сбыта и источником сырья. В 1867 г. оборот англо-индийской торговли превысил 46 млн ф. ст.; для сравнения: оборот русско-среднеазиатской торговли уступал ему в 15 раз [Рожкова, 1963, с. 74]. К концу XIX в. на Индию приходилась пятая часть экспорта и заморских инвестиций Британии (рассчитано по: [Fieldhouse, 1973, p. 55, table 4]). Не случайно самый выдающийся в истории Британской Индии вице-король лорд Керзон (1899–1905) выразил убеждение: если Британия потеряет ее, то превратится в третьюразрядную державу [Mansergh, 1969, p. 256].

Поэтому британцы ревниво оберегали “жемчужину британской короны”, стараясь удерживать потенциальных геополитических соперников на максимально возможном расстоянии. Самые дальновидные и в то же время алармистски настроенные представители британских правящих кругов встревожились за Индию еще в конце 1820-х гг., когда Россия одержала победу в войнах с обоими южными соседями – Османским и Каджарским (Иран) султанатами. Не случайно, когда в конце 1830-х гг. коммерсанты Глазго направили королеве Виктории просьбу активнее противостоять экспансии России по всему периметру ее границ, они назвали Черкессию (Адыгею) “оплотом индийских владений” [Ерофеев, 1982, с. 274].

Отсюда череда британских геополитических мер: отправка офицеров в ханства Средней Азии в конце 1830-х гг. в попытке объединить их в военный союз против северного соседа; первая англо-афганская война 1839–1842 гг.; отправка дипломатической миссии сэра Дугласа Форсайта к правителью Кашгарии Якуб-беку в 1873–1874 гг.; вторая англо-афганская война 1878–1880 гг.; провоцирование на антироссийские действия туркменских племен и афганского эмира Абдурахмана (Инцидент у Пенде, или Битва при Кушке, 1885 г.) с созданием у них впечатления, будто Запад им поможет.

Если у всех этих шагов Британии была геополитическая “сверхцель” – борьба с потенциальной российской угрозой Индии, то у каждого шага имелась и непосредственная цель. На обе войны с Афганистаном британцев спровоцировало появление российского эмиссара в Кабуле – в 1837 г. поручика Я.В. Витковича, в 1878 г. – Столетова. Целью британцев было вырвать Афганистан из возможной сферы влияния России. В конце 1830-х гг. они планировали достичь этого путем смены династии в Кабуле [Nair, 1942, p. 85]. О приоритете геополитических целей в афганском вопросе свидетельствует письмо генерал-губернатора Индии Дж. Идена, графа Окленда, тайному комитету совета директоров Ост-Индской компании от 13 августа 1838 г.: “Операции, которые мы собираемся предпринять, несомненно, повлекут крупные расходы. Однако я убежден, что это соображение надо считать несущественным в сравнении с масштабом цели, которая будет достигнута, а это не что иное как воздвигнуть заслон от всех посягательств с запада” [*Correspondence Relating to Persia...*, 1839, p. 393].

Британцы были готовы противодействовать России, не считаясь с расходами. Как писал председатель Контрольного совета по делам Индии⁸ Эдвард Лоу, граф Элленборо, королеве Виктории в сентябре 1841 г., во время первой афганской войны дефицит бюджета Британской Индии составил 1.25 млн ф. ст. в год, притом что и до войны он был дефицитным [*The Letters of Queen Victoria*, 1908, p. 329]. Поэтому

⁸ Орган при правительстве Британии был создан по акту У. Питта-младшего 1784 г. для контроля над всей некоммерческой (т.е. административной, дипломатической, военной) деятельностью Ост-Индской компании на Востоке. Был упразднен в 1858 г. с переходом власти над Индией от Компании к короне и заменен министерством по делам Индии.

представляется, что Г.А. Ахмеджанов преувеличил экономический фактор, считая, будто Британия стремилась к созданию в Иране и Средней Азии “обширного рынка сбыта” и “именно поэтому она открыто предприняла интервенцию в Афганистан 1838–1842 гг.” [Ахмеджанов, 1971, с. 123]. Согласно убедительной концепции Второй Британской империи кембриджского индолога К. Бэйли, до 1840-х гг. сбыт фабричных изделий Британии на Востоке шел довольно вяло – чего нельзя сказать о темпах расширения там ее империи [Bayly, 1989].

Причины второй англо-афганской войны были во многом схожи, на грани *déjà vu*. Забеспокоившись в связи с миссией Столетова к Шер Али-хану, вице-король Индии граф Литтон в письме министру по делам Индии графу Крэнбруку от 9 сентября 1878 г. заявил, что Британии следует срочно вмешаться в Афганистане, “привязать к нам эмира” и “навсегда исключить Россию” из этой страны [*Great Power Rivalry...*, 2006, р. 422, 427]. Вместе с тем он писал: “По мелким (*minor*) вопросам открытия страны для англичан и устранения торговых ограничений давить на эмира будет нежелательно” [*ibid.*, р. 431–432]⁹. Экономические соображения вновь отошли на второй план, главным для правительства Дизраэли и его назначенца Литтона было пресечь дипломатическую экспансию России (за которой им мерешилась военно-политическая). Британцы вновь не считались с расходами. Вице-король затеял афганскую авантюру, невзирая на массовый голод 1876 г. в Мадрасской и Бомбайской провинциях Индии, который уничтожил начавшее восстанавливаться равновесие индийского бюджета. Накануне войны (1877 г.) его дефицит составил 16 млн ф. ст. [“*Большая игра*”..., 2005, с. 63].

Если (как увидим ниже) в первой половине XIX в. у Британии были на Центральную Азию торговые виды, то, несмотря на продолжение бурного промышленного подъема страны до мирового кризиса 1873 г., со временем экономический компонент ее экспансии в регионе слабел. Это было связано с движением российских границ и соответственно с ростом в глазах британцев военно-политической угрозы Индии. Как писал в 1866 г. влиятельный британский аналитик центральноазиатских дел Г. Роулинсон, если (учитывая сближение границ империй со временем первой англо-афганской войны) от “возможных замыслов России 28 лет назад угроза Британской Индии существовала, то к сегодняшнему дню эта угроза должна вырасти стократно” [Rawlinson, 1875, р. 145]¹⁰.

Более того, логика Большой игры повлияла на ход экспансии Ост-Индской компании в самой Индии. Советуя генерал-губернатору лорду У. Бентинку развернуть проникновение в еще остававшиеся независимыми Синд и Панджаб, губернатор Бомбея лорд Клэр в письме от 11 января 1832 г. предостерег: “Если мы не дойдем до Инда, Россия через несколько лет сообщит нам, какую мы допустили ошибку” [Cavendish Bentinck, 1977, р. 754]. В 1843 г. Компания покорила эмирата Синда, а в 1849 г. аннексировала Панджаб.

Говоря языком известного британского историка А.Дж. Тойнби, две державы руководствовались парадигмой “вызов–ответ”: Россия делала шаги, реагируя на британские инициативы, а Британия проявляла эти инициативы, убежденная, в свою очередь, что у нее выбора нет, что она лишь отвечает на российскую угрозу. Стратеги обеих империй придерживались доктрины “лучшая оборона – наступление”. Хотя среди мотивов их экспансии можно выделить оборонительный и наступательный, по сути эти мотивы работали вместе. Едва ли не каждый шаг России в то же время был и обороной от натиска противника и активным

⁹ Из текста заключенного с новым эмиром Якуб-ханом мирного договора 1879 г. видно, что британцы не торопились дополнить его торговым соглашением [*A Collection of Treaties...*, 1892, р. 441–443].

¹⁰ В этой книге в виде глав собраны работы Роулинсона разных лет, в том числе цитируемая статья “Центральная Азия” 1866 г. из журнала “*Quarterly Review*”.

противодействием ему. Едва ли не каждый шаг Британии диктовался стремлением оградить Индию от “русской угрозы”, воспринимался как оборонительный, хотя на деле чаще был наступательным. В этом коренное различие британской и русской экспансии в регионе.

Данное различие объясняется особенностью внешней и колониальной политики Британской империи, которая заключалась в тенденции стратегов серьезно преувеличивать грозящие этой стране вызовы и стоящие перед ней проблемы. Это преувеличение постоянно мобилизовало стратегов на активное противодействие этим вызовам и решение проблем – подчас до того, как создающие их акторы осознают их сами. Пример – тревога правящих кругов Британии за Индию, когда Россия в конце 1820-х гг. вышла только на Кавказ¹¹. Причина такого преувеличения как имманентной черты стратегического мышления британцев лежала в мировом характере британской талассократии.

Подметив этот опыт, русский геополитик подполковник А.Е. Вандам (Едрихин) в 1910 г. писал об англосаксах: “Внимательно наблюдая жизнь человечества в ее целом и оценивая каждое событие по степени влияния его на их собственные дела, они неустанной работой мозга развиваются в себе способность на огромное расстояние во времени и пространстве видеть и почти осязать то, что людям с ленивым умом и слабым воображением кажется пустой фантазией. В искусстве борьбы за жизнь, т.е. политике, эта способность дает им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком. Испещренная океанами, материками и островами земная поверхность является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы – живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчетом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов, теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?” [Вандам, 2002, с. 43–44]¹².

Однако даже прием одновременной манипуляции второстепенными субъектами геополитической игры помогал Британии не всегда. В Туркестане русское командование бывало достаточно компетентно, чтобы разглядеть ее руку в не связанных, казалось бы, друг с другом политических и военных событиях. Так, осенью 1876 г. начальник Аму-Дарьинского военного отдела сообщил, что туркменское племя ахал-текинцев задумало принять подданство Ирана, а афганский эмир Шер Али-хан – занять Мерв; “нетрудно вывести заключение, – добавил он, – что оба эти события приводятся в исполнение по одной общей инициативе” [Присоединение Туркмении..., 1960, с. 263]. Конечно, замедленность и бессистемность военно-политических мероприятий России в Туркестане облегчала британцам организацию внешнеполитического противодействия [Жигалина, 1996, с. 255], но эти качества присущи строительству многих империй в истории, включая их собственную.

Огромный плюс тенденции преувеличивать проблемы состоял в дальновидности: чем недооценить потенциальную опасность, лучше перестраховаться, что британцы постоянно и делали. Оборотная сторона заключалась в алармистском мышлении и поведении. Они нередко приводили Британию к неудачам, которых можно было избежать, как-то: кабульский крах 1841 г., казнь офицеров-посланцев Ч. Стоддарта и А. Конолли в Бухаре в 1842 г. или разгром при Майванде 1880 г. Каждый раз британцы вторгались в Афганистан, подстегиваемые страхом

¹¹ Так, в 1829 г., после взятия русскими Эрзерума в войне с Османской империей, Элленборо писал: “У меня сердце обливается кровью от каждого их успеха там. Я воспринимаю это как победу над собой, так как Азия – **моя**” [Imlah, 1939, р. 38].

¹² На материале Туркестана широту геополитического кругозора британцев отметил другой видный стратег – А.Е. Снесарев: “В борьбе с Англией России и ее сыном недоставало политической развитости и, как прямого следствия отсюда, планосообразности в действиях” [Снесарев, 1906, с. 19].

за Индию, а оказывалось, что русская угроза эфемерна. Ставяясь решить воображаемую проблему, они создавали себе реальную.

Об англо-русской экспансии в Центральной Азии стоит оговориться, что у двух держав она в этом регионе носила принципиально разный характер. Аналогом русской экспансии в Туркестане (при всем различии отношения двух империй к покоренным народам) правомерно считать британскую экспансию не здесь, а в Индии. Именно там британцы присоединяли территории, урезали владения местных правителей и ставили последних в зависимость. В Центральной Азии британская экспансия была иной: это были дипломатическо-разведывательное и торговое проникновение, попытки бороться с соперником чужими руками, разжигать опосредованные войны (*proxy wars*) и параллельно освоить регион экономически. Еще Окленд в конце 1830-х гг. обосновал нежелательность политического включения Афганистана в Британскую империю в силу его больших отличий от Индии [Rowliffe, 1908, p. 112–114]. В Центральной Азии Британия пыталась реализовать примерно ту же модель “неформальной империи” (термин Дж. Галлахера и Р. Робинсона [Gallagher, Robinson, 1953, p. 6]), которую применяла к Ирану и Кувейту.

В geopolитическом плане Центральная Азия была интересна для России и сама по себе, как потенциальная часть империи, и как инструмент борьбы с основным соперником, а для последней – только как второе, как “прокладка” между Индией и северным соседом, которого надо остановить на дальних рубежах. Это доказывается тем, что в истории ведения Большой игры британцами были не только периоды “наступательной политики” (*forward policy*), но и долгий период “искусственного бездействия” (*masterly inactivity*). В начале 1840-х – начале 1870-х гг. в правящих кругах Британии и Британской Индии возобладало мнение о нецелесообразности проникновения в Центральную Азию – и его прекратили (кроме засылки *пандитов* – разведчиков-индийцев). Отрезвляющим уроком послужило поражение при отступлении из Кабула зимой 1841–1842 гг., но не меньшую роль сыграло осознание географических и военно-политических препятствий в регионе для России. Хотя, по мнению министра иностранных дел виконта Пальмерстона, “азиатские триумфы” 1842 г. (карательный поход в Афганистан после разгрома) показали, что “наша политика была правильной” [*The Letters of the Third Viscount...*, 1979, p. 275], уже генерал-губернатор лорд Хардинг (1844–1848) не разделял его опасения, будто Россия и Иран нападут на Индию [Hardinge, 1986, p. 219]. В 1850–1860-е гг. в Индии отказывали кокандскому хану в просьбах прислать оружия и военных инструкторов [*Great Power Rivalry*, 2006, p. 229], хотя и приютили в Пешаваре (снабдив пенсией) сына бухарского эмира, мятеж которого против отца был подавлен русскими войсками [Мүрзә ‘Абдал‘азым Сәмәй, 1962, с. 83–99].

Более того, главный поборник политики невмешательства вице-король сэр Джон Лоуренс считал, что включение Туркестана в Российскую империю британцам даже на руку. В записке министру по делам Индии от 3 октября 1867 г. он разъяснил: “Ее первостепенный интерес заключается в упрочении своей власти над обширными районами, которые уже находятся в ее владении... Перед Россией стоит серьезная задача, с решением которой она может и не справиться и которая должна занимать ее несколько поколений... Чем дальше она расширяет свою власть, тем большую территорию она должна занять, тем больше у нее будет уязвимых мест, тем сильнее – угроза восстания и тем значительнее – расходы” [*Great Power Rivalry...*, 2006, p. 233–234]. Вице-король видел ситуацию трезво, но демонстрационный эффект имперского порыва России второй половины 1860-х – начала 1870-х гг. вернул стратегам Британской империи алармизм 1830-х.

Кроме geopolитических целей экспансия двух держав имела экономические. У России они четко просматриваются еще в XVIII в. Конечной целью (неудачного) похода отправленного Петром на Хиву князя А. Бековича-Черкасского 1717 г. были

надежды обнаружить золотые россыпи на Амударье, а также “обратить в старой ток” эту реку, которую хивинцы когда-то отвели из Каспия в Арал; кроме того, Бекович должен был просить у хивинского хана судов “и на них отпустить купчину по Аму-Дарье реке в Индию” [Русско-туркменские отношения..., 1963, с. 27–28]. И то, и другое было для царя элементом подготовки к тому, чтобы подорвать роль Ост-Индской компании как посредника между экономиками Европы и Азии. Именно Петр сформулировал одну из важнейших целей российской внешней политики в Евразии – наладить жизнеспособный торговый путь между Европой и Азией через Россию, причем вывести его в транспортной системе континента на ключевые позиции (эта цель остается в внешней политике России по сей день). Одной из целей похода Орлова 1801 г. на Индию Павел I поставил: “Торг ея обратить к нам” [Нащенко, Яшнев, 2005, с. 138]. Правда, азиатские торговые проекты и Петра и Павла были утопическими, так как не учитывали масштаба трудностей.

Более осуществимые проекты возникли к середине XIX в., когда в условиях вытеснения британскими товарами русских с рынков Османской империи и Ирана на Центральную Азию в России стали смотреть как на естественную альтернативу. С целью разведать перспективы торговли и убедить ханов снизить пошлины с русских купцов был предпринят ряд миссий (как правило, неудачных): горного инженера капитана Е.П. Ковалевского в Бухару – 1839 г., капитана П.А. Никифорова в Хиву и инженер-майора К.Ф. Бутенева в Бухару – 1841 г., полковника Н.П. Игнатьева – в 1858 г. (все более высокие звания посылаемых Россией в регион эмиссаров – один из признаков роста интереса к нему). Значение региона росло по мере подъема российской текстильной промышленности и достигло пика во время хлопкового голода на мировом рынке в годы Гражданской войны в США. Если в 1856 г. доля хлопка-сырца в русском импорте из Средней Азии составила 27%, то в 1867 г. – 65% [Рожкова, 1963, с. 69, табл. 22].

Экономических нужд империи как стимула продвижения в Туркестан переоценивать не следует. В середине XIX в. торговля с ханствами составляла всего 5–7% внешнеторгового оборота России [Центральная Азия..., 2008, с. 63]. Даже после присоединения края правящим кругам нередко приходилось подталкивать русских фабрикантов и купцов развивать в нем торговлю, потому что капитал шел в эту сферу неохотно из-за малой прибыльности [Хидоятов, 1981, с. 25]. Когда в 1865 г. было основано торговое Московско-Ташкентское товарищество, 100 тыс. руб. в его капитал тайно внесло правительство, и оно же было его инициатором [Рожкова, 1963, с. 172].

И все же роль экономических целей в экспансии России не была незначительной. Как показало исследование русской прессы середины XIX в., правительенная наступательная политика в Средней Азии в целом одобрялась буржуазно-помещичьими кругами [Дергачева, 1967]. К 1860-м гг. все настойчивее выражалась идея: для нормальной торговли с регионом и ее роста необходимы твердо исполняемые ханствами договоры или даже прямая политическая власть над Туркестаном. О роли экономических целей говорят условия договоров, которые Россия пыталась заключить с ханствами до военного наступления второй половины 1860-х гг. или заключила после его успешного завершения.

В.А. Перовский в 1840 г., если бы дошел до Хивы, должен был заставить хана отказаться от разбоев и удерживания русских в неволе. Значительную часть договора с ханом должны были составить экономические требования: не принуждать русские караваны проходить через Хиву и не облагать русских купцов двойной и даже четверной пошлиной [Жуковский, 1915, с. 116–117].

Накануне экспансии России в Средней Азии голоса купечества имели определенный вес. Так, большинство инструкций министерства иностранных дел Игнатьеву перед поездкой 1858 г. касались торговли с ханствами [Залесов, 1871,

с. 460–461]. Когда в 1861 г. в США вспыхнула гражданская война, 15 московских купцов просили правительство содействовать получению альтернативного источника хлопка из Средней Азии [Central Asia..., 1994, р. 131]. В это десятилетие властям стало понятно, что без радикальных мер качественного улучшения условий торговли с регионом не добиться. Вот почему пять из шести условий мирного договора, выдвинутых Кауфманом эмиру Бухары в 1868 г., носили экономический характер (первое относилось к границам). Они включали предоставление русским подданным права ездить для торговли в города Бухары, платить пошлину в размере 2.5% и т.д.; Россия предоставляла такие же права бухарцам (текст документа см.: [Жуковский, 1915, с. 175–176]). Схожими были условия мира с ханом Хивы 1873 г. [там же, с. 179–183].

О движущих силах имперского строительства России говорит то, что его решающий раунд начался в 1865 г. с взятия Черньяевым именно Ташкента – самого населенного (до 100 тыс. жителей [Ewans, 2010, р. 19]) города и наиболее развитого торгового центра Средней Азии. В рапорте Миллютину от 18 января 1870 г. Кауфман предупредил: “Рано или поздно нам, по-видимому, придется идти на Хиву; не испытав силу нашего оружия, хан вряд ли согласится на полную свободу торговли для наших купцов, и безопасность наших караванов не будет гарантирована, а эти два условия должны быть непременно достигнуты” [Присоединение Туркмении..., 1960, с. 44]. Накануне аннексии Коканда (1876 г.) чиновник по дипломатической части при генерал-губернаторе Туркестана А.К. Вейнберг возмущался “далеко не дружелюбной политикой” хана Насреддин-бека. Это касалось обращения не только с русскими чиновниками, но и с русскими купцами, которых в ханстве насчитывалось всего шесть человек [Моисеев, 2008, с. 125]. Притеснения властями купцов очень мешали России развивать торговлю с Кокандом, на территории которого находилась главная хлопковая житница региона – Ферганская долина, и послужили одной из причин радикального решения вопроса.

Политическое присоединение частей Туркестана резко стимулировало их экономическое освоение Россией. На это, к примеру, указал в письме Александру II от 31 октября 1871 г. Кауфман, отметив, что товарооборот Европейской России с краем превысил 30 млн руб. в год [Great Power Rivalry..., 2006, р. 195–197]. Подписание ханом Коканда после военного поражения торгового договора 1868 г. привело к резкому росту импорта Россией из ханства шелка-сырца: в 1868 г. было ввезено 10 тыс. пудов, в 1869 г. – уже 15 тыс. [Петровский, 1874, с. 11]. Вхождение края в империю оправдало и надежды России на то, что она сможет эффективно защититься от экономического наступления Британии с помощью протекционистских рычагов. Так, в 1893 г. генерал-губернатор Туркестана барон А.В. Вревский в интересах русского капитала предписал изгнать из края всех индийцев, которые занимались ростовщичеством и проживали без национального паспорта [Искандаров, 1993, с. 130].

Как и geopolитические, экономические цели экспансии России имели одним из компонентов противостояние с Британией. Опасались, что, если не торопиться, британцы опередят и в Центральной Азии – как вытеснили русские товары с Ближнего Востока и из Ирана. Интерес, который начали в 1830-е гг. проявлять к Центральной Азии британцы (см. ниже), лишь подстегивал фабрикантов, купцов и правящие круги Российской империи. Не случайно в инструкции ее посланников в политики региона входило детальное выяснение там торговых позиций Британии. Такое задание имел еще Ковалевский в Бухаре в 1839 г. [Terway, 1977, р. 147]. Три специальных вопроса о британских товарах присутствовали и в любопытном списке вопросов для разведчиков, который составил русский консул в Кашгаре (1882–1903) Н.Ф. Петровский [Петровский, б.г.]. Британские разведчики тоже постоянно обращали внимание на удельный вес русских товаров на рынках Центральной Азии. Так, в отчете основателя

разведки Британской Индии капитана Т. Монтгомери 1869 г. приведены наблюдения *пандита* Мирзы: в лавках Кашгара преобладали русские ситцы и другие товары (благодаря дешевизне и более короткому пути ввоза, чем британских товаров через Индию) [Great Power Rivalry..., 2006, р. 348].

Натиск Британии, поощрение ею аннексии территорий правителями под ее покровительством беспокоили Россию с точки зрения экономического удержания собственных территорий в регионе. Как писал Глуховской в рапорте начальнику Главного штаба графу Ф.Л. Гейдену в 1873 г., “если Афганистан первый займет г. Мерв... нелегко будет обеспечить безопасность и предотвратить возможность европейской торговли через Персию и Мерв в Среднюю Азию, во вред развитию нашей торговли и наших закаспийских владений” [Присоединение Туркмении..., 1960, с. 295]. На экономику упирал в рапорте начальнику Кавказского горского управления от 21 февраля 1876 г. и начальник Закаспийского военного отдела генерал-майор Н.П. Ломакин: “Нельзя ручаться за прочное водворение в этом крае порядка и спокойствия (чем только и может быть обусловлено и обеспечено беспрепятственное и правильное караванное торговое движение в этих степях), пока наши войска не пройдут весь Ахал-Текинский оазис” [там же, с. 214].

Экономические цели играли не последнюю роль и у британцев. Присматриваться к Центральной Азии как потенциальному рынку они стали в начале XIX в. В 1813 г. парламент под давлением промышленной буржуазии отменил монополию Ост-Индской компании на торговлю с Индией [Documents / Marshall, 1968, р. 232]. Индия оказалась интересна британским предпринимателям и как экономический плацдарм для захвата рынков сопредельных регионов. Британская продукция стала попадать в Центральную Азию с караванами местных купцов, закупавших товары в Индии. По сведениям лейтенанта А. Бернса, собранным в ходе поездки в Бухару в 1833 г., индийские купцы ежегодно отправляли в Кабул караваны общим поголовьем в 2 тыс. верблюдов, половина которых следовала дальше в Туркестан (из Оренбурга и Троицка в Бухару каждый год приходил караван из 1300 верблюдов) [Burnes, 1834, р. 329]. Уже тогда Центральная Азия виделась Британии не только как плацдарм обороны Индии, но и как рынок сбыта, ценный сам по себе. Распространению в регионе политической власти России британцы не могли не сопротивляться еще и потому, что, во-первых, оно вело к росту конкуренции русских товаров, а во-вторых, с ростом доли в русском экспорте промышленных изделий уменьшался приток в Туркестан из России звонкой монеты, на которую население прежде покупало британскую продукцию [Рожкова, 1963, с. 99–100].

Геополитические и экономические цели экспансии не действовали изолированно и параллельно, а переплетались. При приоритете геополитических целей четко отсекая их от экономических неправомерно. В случае обеих империй геополитика подкреплялась и стимулировалась экономикой и наоборот. Отчасти это напоминает концепцию причинно-следственных рядов русского философа А.А. Зиновьева, согласно которой в сложных исторических событиях причины и следствия переплелись, создавая запутанную картину [Зиновьев, 2000, с. 66]. Например, завоевание рынка Средней Азии служило России рычагом консолидации своей власти в регионе: по оценке Петровского, тогда агента министерства финансов, уже в 1872 г. русских хлопчатобумажных тканей на базарах Бухары было раз в шесть больше британских [Глущенко, 2001, с. 63]. Одна цель подчас выступала не только как самоцель, но и как средство достижения другой цели. Геополитические цели достигались не только дипломатическими и военными инструментами, но и торговыми; экономические цели, в свою очередь, достигались не только торговыми инструментами, но и дипломатическими и военными.

Использование экономических средств для достижения геополитических целей происходило нередко. Так, наместник Кавказа (1816–1827) А.П. Ермолов

видел в торговых уступках туркменам средство привести их в полное подданство: “Удовлетворяя в главнейшей потребности хлеба, можно в короткое время истолковать им, сколь выгодны для них сношения с нами. Правительство на первый раз должно решиться на некоторые пожертвования и привозимому хлебу должна быть цена умеренная” [Русско-туркменские отношения..., 1963, с. 227]. Черняев в 1869 г. прямо назвал учреждение какой-нибудь торговой компании для разработки природных богатств восточного побережья Каспия предлогом занять Красноводский залив [Great Power Rivalry..., 2006, р. 250–252]. На торговый инструмент установления российской власти в Туркмении указывал Марвин: “Русские хорошо знают ценность базара как средства осуществлять влияние на Востоке. Едва построив в Ашхабаде форт, они возвели там базар и поощряли армян из Баку и Тифлиса открывать там лавки. Вскоре мервские текинцы, привлеченные высокой платой, которую русские давали за их товары, стали появляться в Ашхабаде... так они создали прорусскую партию в Мерве” [Marvin, s.d., р. 17].

Вопреки распространенному мнению о торговом характере Британской империи в противоположность военно-административному характеру империй континентальной Европы британцы тоже широко применяли экономический рычаг как инструмент geopolитической экспансии¹³. Об этом свидетельствует далеко не только их готовность поступиться экономической выгодой при подготовке обеих афганских войн. Когда в конце 1820-х гг. британцы обеспокоились активизацией России на Кавказе, при участии Эдварда Лоу, графа Элленборо, родился замысел подтолкнуть торговое проникновение в Центральную Азию, используя естественную артерию – Инд, который глубоко врезается в Индийский субконтинент. С целью выяснить, до какого места Инд судоходен, в 1831 г. по реке поднялся корабль Ост-Индской компании, на котором лейтенант Бернс вез подарки сикхскому правителю Панджаба Ранджит Сингху (то была формальная цель экспедиции). Правда, перспективы торгового освоения Центральной Азии по Инду оказались не столь радужными, как надеялись в Калькутте и Лондоне. Когда вверх по реке отправили экспериментальный груз, а группа индийских купцов, наоборот, спустилась по ней, выяснилось, что Инд малосудоходен, а торговля в его долине развита слабо. Но британцы приписали неудачу недостатку контроля над рекой [Huttenback, 1962, р. 26] и к концу 1843 г. поэтапно покорили Синд.

Ярким примером торгового агента как “легенды” был тот же Бернс. Отправленный в 1837 г. (уже в чине капитана) в Кабул к эмиру Дост Мухаммаду “для облегчения торгового взаимодействия” [Correspondence Relating to Persia..., 1839, р. 401], он, как показывает его переписка со своим британским начальством и эмиром, занимался почти исключительно вопросами политических сношений Британии и России с Афганистаном [ibid., р. 402–507]. Как видно из отчета посланника вице-короля Индии сэра Дугласа Форсайта к узбекскому *бадаутету* (правителю) Кашгарии Якуб-беку, главная цель его миссии 1873–1874 г. была geopolитической: завязать как можно более тесные связи с правителем, пока тот не попал под определяющее влияние России [Great Power Rivalry..., 2006, р. 365]. Одним из средств достижения этой цели был заключенный с Якуб-беком договор о свободной торговле. Он предусматривал сбор 2.5-процентной пошлины и право вице-короля направить ко двору *бадаутета* своего представителя и назначить в города княжества торговых агентов, которые подчинялись бы этому представителю [A Collection of Treaties..., 1876, р. 327–330]. Последнее наводит на мысль

¹³ Кстати, Марвин привел название книги Терентьева “Россия и Англия в борьбе за рынки” (СПб., 1876) как свидетельство того, что в России торговый характер соперничества двух держав вполне понимают, и сетовал, что британский предприниматель этого не делает и “никогда не сотрудничал, проявляя щедрость, чтобы поставить предел российской агрессии или создать надежную защиту своих личных интересов в Индии от внешней угрозы. Это остается делать армии” [Marvin, 1886, р. 411–412].

об использовании торговли как ширмы, хотя некоторое время британцы надеялись получить в Кашгарию также обширный рынок сбыта, в частности индийского чая.

Наряду с применением экономических средств для достижения геополитических целей происходило и обратное, причем роль геополитики как “служанки экономики” тоже не следует недооценивать. Еще в 1834 г. жандармский полковник А.П. Маслов, перечисляя в донесении из Тобольска своему начальнику А.Х. Бенкендорфу возможные выгоды от принятия Коканда под покровительство России, назвал не только замирение кочевников, но и открытие “непосредственного торгового сношения с западными владениями Китая” и Кашмиром, не говоря о Бухарии¹⁴ [Присоединение Казахстана..., 2008, с. 126]. В самом деле, именно присоединение Туркестана (в конце 1860-х гг.) позволило России резко увеличить товарооборот с Кашгарией [Петровский, 1886, с. 35]. Почти теми же словами эту мысль выразил в 1863 г. вице-канцлер министерства иностранных дел в “отношении” генерал-губернатору Западной Сибири о принятии подданства киргизами рода Чирик [Присоединение Казахстана..., 2008, с. 273]. Кауфман в 1871 г. был готов решить проблему российской торговли в Кашгарию военными средствами. В жестком письме Якуб-беку он потребовал отпустить задержанные русский и кокандский караваны и письменно обещать “не стеснять в свободе и своих торговых делах” русских купцов, иначе “ни горы, ни реки, ни войско Ваше не избавят Вас от строгого наказания, заслуженного Вами нарушением международных законов” (цит. по: [Моисеев, 2008, с. 53–54]).

Завоевание Россией большей части владений Кокандского ханства и Бухарского эмирата к 1869 г. еще одной целью помимо консолидации границ и приближения их к Индии имело защиту торговых интересов. Поход Скobelева против ахал-текинцев в 1881 г. помимо ответа британцам на их второе вторжение в Афганистан имел целью пресечь разбои на караванных путях.

Анализ целей англо-русской экспансии в Центральной Азии XIX в. позволяет заключить, что обе империи отдавали приоритет геополитике. У каждой державы можно выделить внутреннюю и внешнюю геополитические потребности к экспансии в Центральной Азии. Из этих четырех потребностей только три относились к самому региону. Внутренней потребностью России было стабилизировать границу; внешняя заключалась в необходимости противостоять могущественной державе, напирающей с юга. Внешней потребностью Британской империи было ослабление или прекращение имперского порыва северного соседа. Иными словами, если у Британии в регионе не было иных геополитических целей, кроме “сдерживания и отбрасывания” противника (если воспользоваться американской терминологией “холодной войны”), то у России они имелись – “замирение” тех народов, которые препятствовали освоению ею ресурсов уже присоединенных областей.

Внутренняя потребность британцев к экспансии в Центральной Азии (последняя из четверки) относилась не к ней, а к соседнему региону – Южной Азии (Индии). Если русские в условиях активности британцев в Центральной Азии тревожились за незыблемость своей власти здесь же, то британцы в условиях активности в Центральной Азии русских тревожились за незыблемость своей власти в Индии. В последней они осуществляли собственный геополитический проект. Целью британцев, когда они затевали Большую игру, было не выиграть, а не проиграть (Индию) [Ingram, 1979, р. 339]. *Pax Russica* и *Pax Britannica* рассматривали встречное движение к сопернику как необходимое условие сохранения имеющихся позиций. К концу острой фазы Большой игры “бегущие” перед границами двух империй сферы их влияния соприкоснулись, что завершилось дипломатическим урегулированием 1887 г. по северной границе Афганистана.

¹⁴ Бухарией (или Большой Бухарией) в России называли весь Западный Туркестан; Малой Бухарией – запад Синьцзяна. – К.Ф.

Пара геополитических потребностей каждой империи (внутренняя и внешняя) была взаимосвязана в том смысле, что противник старался расшатать позиции этой империи на ее собственной территории или непосредственно “перед” ней. Намного активнее в этом направлении работали британцы – из-за мирового характера своей империи и порождаемого этим более широкого геополитического кругозора, а также понимания того, что в Центральной Азии они находятся в менее выгодном положении (физико-географические и экономические условия благоприятствовали экспансии России). Показательно, что, используя в отношении гористых рубежей своих индийских владений понятие “научная граница”, другим империям британцы в этом понятии отказывали. Так Центральная Азия стала местом столкновения исходивших от двух держав геополитических лучей. Говоря языком известного геополитика Х. Маккинdera (1861–1947), Британия воспринимала ситуацию как давление Хартленда (России) на часть Римленда (Индию), а Россия – наоборот, как давление на Хартленд части Римленда и контролировавшей ее части Внешнего полумесяца (Британии как метрополии колониальной империи).

Однако цели экспансии не ограничивались геополитикой. Обе державы смотрели на Центральную Азию и как на потенциальную сферу извлечения экономической выгоды. Для России этот сопредельный регион был естественной зоной торгового проникновения в условиях ее слабости перед промышленно развитыми странами Европы, прежде всего Британией. Для последней регион выступал как еще одна зона торгового проникновения на Восток, один из последних экономически неосвоенных регионов мира.

Две категории целей не действовали изолированно, а работали в общем направлении, усиливая одна другую. При приоритете геополитики экономический фактор, безусловно, играл второстепенную роль: слишком часто геополитические соображения брали верх над экономическими. Вместе с тем, похоже, “сторонники геополитики” в историографии несколько недооценили экономические цели экспансии, немалый вес которых я постарался показать в настоящей статье.

Однако в известном смысле проблема приоритетов снимается, если учесть, что **в конечном счете** геополитика – во многом стремление к экономическому освоению территорий. Установление военно-политического контроля над территорией очень часто направлено на обретение экономических выгод: сбор налогов с населения, развитие торговых и транспортных связей, прекращение насильственных действий, вредящих экономическому росту. Среднесрочная геополитическая цель стабилизировать имперскую границу России имела в виду долгосрочную экономическую цель: ведь степняки уводили людей в неволю и грабили купеческие караваны.

Именно это переплетение целей объясняет противоречия в работах М.К. Рожковой, А.М. Аминова и А.Х. Бабаходжаева, справедливо отмеченные Н.А. Халфиным [Халфин, 1972, с. 128–130]. Тем не менее если М.К. Рожкова и другие историки недооценивали экономические цели экспансии, то Н.А. Халфин, как представляется, их переоценивал, “подтягивая” уровень развития российского капитализма ближе к таковому Западной Европы, где экономические соображения действительно определяли колониальную политику, хотя тоже далеко не всегда. Завышение Н.А. Халфином роли экономики логически привело его к занижению роли геополитики: он преуменьшал степень опасения британцев за Индию, называя их высказывания на этот счет маскировкой интриг и провокаций в Средней Азии [Халфин, 1965, с. 124], а тезис (к примеру, Терентьева) о вынужденном продвижении России вследствие набегов кочевников и конфликтов с ханствами “списал” как “ненаучную трактовку” [Халфин, 1972, с. 128]. Между тем источники опровергают его мнение, будто “военная попытка использования плацдарма в Средней

Азии” для борьбы с Британией в 1878 г. “была столь эфемерной, что не вызвала ни малейшего беспокойства у тех, на кого должна была действовать” [там же, с. 133]. Представляется верным мнение Е.Ю. Сергеева о том, что “в русско-британском соревновании ставки были вполне реальными, а не воображаемыми... Россия и Великобритания... отнюдь не имитировали ожесточенную борьбу за лидерство в руководстве традиционной Азией на ее пути к модернизации” [Сергеев, 2012, с. 76].

Следует подчеркнуть, что четко размежевать geopolитические и экономические цели экспансии обеих империй нелегко. Одна цель нередко становилась средством достижения другой и наоборот. Диалектическое единство целей англо-русской экспансии в Центральной Азии, с одной стороны, затрудняет анализ приоритетов, но, с другой – позволяет понять многогранность процесса этой экспансии, что актуально для изучения проблематики империй.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аминов А.М., Бабаходжаев А.Х. *Экономические последствия присоединения Средней Азии к России*. Ташкент: Узбекистан, 1966.
- Ахмеджанов Г.А. *Гератский вопрос в XIX в.* Ташкент: Фан, 1971.
- “Большая игра” в Центральной Азии: “Индийский поход” русской армии. Сборник архивных документов / Сост. и автор предисл. и примеч. Т.Н. Загородникова. М.: ИВ РАН, 2005.
- Брежнева С.Н. *Проблема присоединения Туркестанского края к России в дореволюционной историографии*. Тольятти: Современник, 2002.
- Британская империя: становление, эволюция, распад / Под общей ред. В.В. Высоковой. Екатеринбург: Волот, 2010.
- Вандам (Едрихин) А.Е. Наше положение // Вандам (Едрихин) А.Е. *Геополитика и геостратегия*. Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. С. 27–154.
- Венюков М.И. *Исторические очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855–1878*. В 4 т. Т. 1. *Общий взгляд на эпоху: Перемены в составе государства: Международное положение в России*. Лейпциг, 1878.
- Венюков М.И. Международные вопросы в Азии // *Русский вестник*. М., 1877. № 6. С. 473–503.
- Гелла Т.Н. Политические круги Великобритании о русско-английском соперничестве на Среднем Востоке (60-е – начало 70-х годов XIX века) // *Россия и Европа: Дипломатия и культура*. М.: Наука, 1995.
- Глуховской. Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии. СПб.: Тип. А. Груздева, 1867.
- Глущенко Е.А. *Герои Империи: Портреты российских колониальных деятелей*. М.: XXI век – Согласие, 2001.
- Глущенко Е.А. *Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования*. М.: Центрполиграф, 2010.
- Григорьев В.В. *Среднеазиатские дела*. М.: Тип. Бахметева, 1865.
- Дергачева Л.Д. *Средняя Азия в политике России 1857–1868 гг. (Борьба правительственные и общественных группировок)*. Автореф. дисс. ... к.и.н. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967.
- Дубовицкий В.В. Мотивы присоединения Средней Азии к России: от идеологических домыслов и эмоциональных оценок к геополитическому анализу // *История и современность*. М., 2010. № 2. С. 86–111.
- Ерофеев Н.А. *Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1853 гг.* М.: Наука, 1982.
- Жигалина О.И. Движущие силы российской политики в Средней Азии в XIX в. // *Цивилизации и культуры*. Вып. 3. *Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения*. М.: ИВ РАН, 1996. С. 251–265.
- Жуковский С.В. *Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие*. Пг., 1915.
- Залесов Н.Г. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году // *Русский вестник*. М., 1871. № 2. С. 421–474.

- Зиновьев А.А. *На пути к сверхобществу*. М.: Центрполиграф, 2000.
- Искандаров Б.И. *Средняя Азия и Индия. (Торговые, культурные и политические связи): Краткий очерк*. Душанбе: Дониш, 1993.
- Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы) (Сборник документов и материалов)*. Алма-Ата: Наука, 1964.
- Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. *Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.* М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Костенко Л.Ф. *Туркестанский край: опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа*. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. 3 т.
- Макшеев А.И. *Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских*. СПб.: Военная типография, 1890.
- Мартенс Ф.Ф. *Россия и Англия в Средней Азии*. СПб.: Издание Книгопродавца Эмиля Гартье, 1880.
- Махаджан В., Сетхи А.А. *Бритишкалин Бхарат ка итихас* (История Индии в британский период). Дели и др.: Чанд, 1960 (яз. хинди).
- Мүрзә ‘Абдал’азым Сәмү. *Та’рих-и салатын-и мангыйттара* (История мангытских государей). М.: Изд-во вост. лит., 1962 (яз. фарси).
- Моисеев С.В. *Русско-кашгарские отношения в 60-х – 70-х гг. XIX в. Документы и извлечения*. Барнаул: Азбука, 2008.
- Настенко И.А., Яшнев Ю.В. *История Мальтийского ордена*. Книга II. М.: Русская панорама, 2005.
- Петровский Н. *Наставление и программа вопросов для туземных разведчиков, посылаемых в малоизвестные страны Средней Азии*. СПб.: Военно-учетный ком. Глав. штаба, б.г.
- Петровский Н. Отчет о Кашгарии // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Вып. XII. СПб.: Военная типография, 1886. С. 1–61.
- Петровский Н.Ф. *Шелководство и шелкомотание в Средней Азии: отчет Министерству финансов агента в Туркестанском генерал-губернаторстве Н.Ф. Петровского*. СПб.: Литотипогр. В. Грацианского, 1874.
- Присоединение Казахстана и Средней Азии к России (XVIII–XIX века). Документы / Автор-сост. Н.Е. Бекмаханова*. М.: ИРИ РАН, 2008.
- Присоединение Туркмении к России. Сборник архивных документов / Под ред. А. Ильясова*. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960.
- Рожкова М.К. *Экономические связи России со Средней Азией: 40–60-е годы XIX в.* М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Сборник архивных документов*. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1963.
- Сергеев Е.Ю. *Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.
- Серебренников А.Г. *Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края*. Ташкент: Туркестанский военный округ, 1914–1915. Т. 1.
- Синх К. *Бхарат ка итихас* (История Индии). Калькутта: Хинди прачарак пустакалай, 1959 (яз. хинди).
- Снесарев А.Е. *Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление*. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1906.
- Соколов А.Я. *Торговая политика России в Средней Азии и развитие русско-афганских торговых отношений*. Ташкент: Фан, 1971.
- Терентьев М.А. *История завоевания Средней Азии*. СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1906. 3 т.
- Терентьев М.А. *Россия и Англия в Средней Азии*. СПб.: Типография П.П. Меркульева, 1875.
- Фурсов К.А. *Держава-купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патrimonиями*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006.
- Халфин Н.А. О движущих мотивах политики России в Средней Азии (60–70-е годы XIX в.) // *История СССР*. М., 1972. № 4. С. 128–135.
- Халфин Н.А. *Политика России в Средней Азии (1857–1868)*. М.: Изд. вост. лит., 1960.
- Халфин Н.А. *Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.)*. М.: ГРВЛ, 1965.

- Хидоятов Г.А. *Британская экспансия в Средней Азии: Пенде, март 1885 г.* Ташкент: Фан, 1981.
- Хидоятов Г.А. *Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.)*. Ташкент: Фан, 1969.
- Центральная Азия в составе Российской империи.* М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Широкорад А.Б. *Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907.* М.: ACT, 2003.
- Bayly C.A. *Imperial Meridian: The British Empire and the World, 1780–1830.* L.; N.Y.: Longman, 1989.
- Becker S. *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1968.
- Burnes A. *Travels into Bokhara; Being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a Voyage on the Indus, from the Sea to Lahore, with Presents from the King of Great Britain; Performed under the Orders of the Supreme Government of India, in the Years 1831, 1832, and 1833.* 3 vols. L.: Murray, 1834. Vol. I.
- The Cambridge History of India.* 6 vols. Vols. V–VI / Ed. by H.H. Dodwell. Cambridge: At the University Press, 1929–1932.
- Cavendish Bentinck W. *The Correspondence of Lord William Cavendish Bentinck, Governor-General of India, 1828–1835* / Ed. by C.H. Philips. Oxford: Oxford University Press, 1977.
- Central Asia: 130 years of Russian Dominance, a Historical Overview* / Ed. by E.A. Durham. L.: Duke University Press, 1994.
- A Collection of Treaties, Engagements and Sunnuds Relating to India and Neighbouring Countries* / Comp. by C.U. Aitchison. Vol. VI. *The Treaties, &c., Relating to the Punjab, Sind and Beloochistan, and Central Asia.* Calcutta: Foreign Office Press, 1876.
- A Collection of Treaties, Engagements and Sunnuds Relating to India and Neighbouring Countries* / Comp. by C.U. Aitchison. Vol. IX. *The Treaties, etc., Relating to the Punjab, Jammu and Kashmir, Baluchistan, Afghanistan and Eastern Turkistan.* Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, India, 1892.
- Correspondence Relating to Persia and Afghanistan.* L.: Harrison & Son, 1839.
- Darwin J. *The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970.* Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Dehio L. *The Precarious Balance: Four Centuries of the European Power Struggle.* N.Y.: Vintage Books, 1962.
- Documents / Marshall P.J. *Problems of Empire: Britain and India, 1757–1813.* L.: Allen and Unwin, 1968. P. 105–233.
- Ewans M. *Securing the Indian Frontier in Central Asia: Confrontation and Negotiation, 1865–1895.* L.; N.Y.: Routledge, 2010.
- Fieldhouse D.K. *Economics and Empire, 1830–1914.* L.: Weidenfeld and Nicolson, 1973.
- Gallagher J., Robinson R. *The Imperialism of Free Trade // The Economic History Review.* L.; N.Y., August 1953. Second Series, Vol. VI, № 1.
- Great Power Rivalry in Central Asia, 1842–1880* / Ed. by M. Ewans. 6 vols. L.; N.Y.: Routledge, 2006. Vol. I. *Documents.*
- Haig W. *The Indian Army, 1858–1918 (Chapter XXII) // The Cambridge History of India.* Vol. VI. *The Indian Empire, 1858–1918* / Ed. by H.H. Dodwell. Cambridge: At the University Press, 1932. P. 395–402.
- Hardinge H. *The Letters of the First Viscount Hardinge of Lahore to Lady Hardinge and Sir Walter and Lady James, 1844–1847* / Ed. by B.S. Singh. L.: Office of the Royal Historical Society, University College, 1986.
- Hopkirk P. *The Great Game: On Secret Service in High Asia.* L.: Murray, 1990.
- Huttenback R.A. *British Relations with Sind 1799–1843: An Anatomy of Imperialism.* Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1962.
- Imlah A.H. *Lord Ellenborough: A Biography of Edward Law, Earl of Ellenborough, Governor-General of India.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1939.
- Ingram E. *The Beginning of the Great Game in Asia, 1828–1834.* Oxford: Clarendon Press, 1979.
- James L. *Raj: The Making and Unmaking of British India.* N.Y.: St Martin's Griffin, 1997.
- The Letters of Queen Victoria: A Selection from Her Majesty's Correspondence between the Years 1837 and 1861* / Ed. by A.C. Benson and Viscount Esher. 3 vols. L.: Murray, 1908. Vol. I.

- The Letters of the Third Viscount Palmerston to Laurence and Elizabeth Sulivan, 1804–1863 / Ed. by K. Bourne.* L.: Offices of the Royal Historical Society. 1979.
- Macgregor C.M. *The Defence of India: A Strategical Study.* Simla: Government Central Branch Press, 1884.
- Mansergh N. *The Commonwealth Experience.* L.: Weidenfeld and Nicolson, 1969.
- Marvin C. *Reconnoitring Central Asia.* L.: Swan Sonnenschein, 1886.
- Marvin C. *The Russians at the Gates of Herat.* L.; N.Y.: Warne, s.d.
- Meyer K.E., Brysac S.B. *Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia.* N.Y.: Basic Books, 2006.
- Nair L.R. *Sir William Macnaghten's Correspondence Relating to the Tripartite Treaty.* Lahore: Chopra, 1942.
- Niasson B. *Britannia's Empire: Making a British World.* Stroud: Tempus, 2004.
- Pierce R.A. *Russian Central Asia, 1867–1917: A Study in Colonial Rule.* Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1960.
- Rawlinson H.C. *England and Russia in the East. A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia.* L.: Murray, 1875.
- Rouire Dr. *La rivalité anglo-russe au XIXe siècle en Asie: golfe persique, frontières de l'Inde.* P.: A. Colin, 1908.
- Seeley J.R. *The Expansion of England. Two Courses of Lectures.* L.: Macmillan, 1883.
- Speeches on India Delivered by Lord Curzon of Kedleston, Viceroy and Governor-General of India, while in England in July–August 1904.* L.: Murray, 1904.
- Terway V. *East India Company and Russia (1800–1857).* New Delhi: S. Chand, 1977.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПРИГРАНИЧНЫЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С АФГАНИСТАНОМ (1900–1914)

© 2017

С. Б. ПАНИН

Иркутский государственный университет

В статье анализируются содержание и характер российско-афганских приграничных торгово-экономических отношений в первые полтора десятилетия XX в., показывается значительное влияние на них политических факторов, в том числе подписанного англо-русского соглашения 1907 г. Проанализированы основные проблемы двусторонних экономических отношений, активная и специфическая роль Бухарского эмирата как посредника в них. Заметное место в статье уделяется анализу усиливающейся после 1907 г. роли российского предпринимательского сообщества в экономических взаимоотношениях с Афганистаном.

Ключевые слова: Бухара, Великобритания, Закаспийская область, таможенная система, закат, пошлины, тарифы, хлопчатник, Термез, экспортное товарищество, купечество.

THE INFLUENCE OF POLITICAL FACTORS ON BORDER TRADE
AND ECONOMIC RELATIONS OF RUSSIA TO AFGHANISTAN (1900–1914)

Sergey B. PANIN

Irkutsk State University

The article analyzes the content and character of Russian-Afghan border trade and economic relations in the beginning of the twentieth century. It shows the significant influence of political factors, including the Anglo-Russian agreement of 1907, on these trade and economic rela-